

ГОВОРИТЬ с Михаилом Жванецким очень трудно. Его нужно слушать. Уметь слушать. Мы знакомы много лет. И это ощущение «трудности» с годами не прошло. Что-то постоянно смущает, стесняет, лишает обычной среди давних знакомых раскованности.

Он разный...

Я сказал эту фразу, и сразу в памяти всплыли два случая. Тоже разные, хотя и происшедшие в один день.

В составе творческой делегации мы приехали в Румынию на «Универсиаду-81». В тот день Жванецкий выступил перед нашими спортсменами накануне очень ответственных состязаний, был хорошо принят (зал хохотал буквально до слез) и вечером, за ужином, находился в отличном настроении. Что-то рассказывал. И вдруг один из молодых членов нашей делегации перебил замолкнувшего на минуту Жванецкого: «Извините, вспомнил, а то забыл!». И стал излагать свое.

Михаил Михайлович на протяжении всей его истории молча ел, чуть громче обычного стуча вилкой и ножом по тарелке. Когда говоривший кончил, Жванецкий отреагировал:

— Ну вот, вы перебили меня, и ничего не сказали. Перешли к анекдотам, значит, говорить больше не о чем...

— Извините, Михаил Михайлович!

— Не извиню! Свое рассказывайте. Не можете свое — молчите. Не перебивайте...

И ушел.

Надо сказать, Жванецкий вообще анекдоты не любит. Но смысл этого случая в другом. Жванецкий ценит собеседников. Вот тут перебивайте сколько угодно. Беседуйте, спорьте, если можете. Пересказы, анекдоты вызывают у него скуку...

Потом мы сели в автобус и из Бухареста покатали в Констанцу. (Это там Михаил Михайлович бегал по берегу Черного моря и кричал возбужденно: «Так вот куда тянется одесский пляж! А я все гал-дал...»).

В автобусе мы сидели рядом. Глядя в окно на чужую жизнь, Жванецкий вслух размышлял о нашей. Я слушал, кивал головой.

— Да что ты все киваешь! — неожиданно рассердился он. — Со всем, что я говорю, согласен, что ли?

— Просто слушаю...

— Ты возражай, мне же неинтересно! И замолчал. Сделал вид, что заснул.

Вот поди, угадай, как лучше...

И еще одно наблюдение.

Попал в аварию автобус, в котором мы возвращались во Фрунзе с Иссык-Куля после концерта, организованного для спортсменов-горнолыжников. Это случилось 26 августа 1981 года. Что-то горело, дымилось, кто-то выбрасывал в окно вещи, гитары, продукты... Жванецкий сидел и писал в своем блокноте.

Он так работает. Может стоять стол, может быть отличная комната и тишина. Жванецкий не пишет. Но вот трогается поезд, в котором его вещи, а он на перроне с блокнотом и ручкой, в тапочках, и капает дождь. На него нашло...

Мне захотелось предварить наше интервью этими короткими, выхваченными наугад из жизни случаями. Может быть, они помогут читателям лучше представить себе характер моего собеседника, а мне наконец решить, с какого вопроса начать разговор.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, что бы вы могли сказать о состоянии современной юмористической литературы?

— Сложный вопрос...

— Начинать говорить и писать всегда нелегко...

— Нелегко, потому что для ответа мне нужно встать в позу или сесть в кресло и с лицом мэтра начать оценивать, что мне, как вам известно, не свойственно...

Ну, что сказать? Мне вообще не нравится разделение литературы на юмористическую и неюмористическую. Они перетекают одна в другую. Я не встречал ни одного серьезного классика, у которого не было бы юмора. Или, наоборот: чем, например, романы Ильфа и Петрова не классические произведения? А Булгаков? Ну, а то, что происходит на последних газетных страницах... Люди шутят бесконечно... Был КВН — они шутили там, а сейчас они постарели и все шутят, шутят, шутят. Юмор стоит по колено в воде и не знает, как ему оттуда выбраться...

цертном зале «Октябрь», куда, скажем прямо, попасть удалось далеко не всем желающим... Безусловно, там вместе с вами выступали замечательные артисты. И все же «слишний билетик» зрители у входа спрашивали («на Жванецкого»).

Не кажется ли вам, что зрительский интерес за последнее время несколько сместился. Больше внимания к себе стал привлекать на сцене писатель — человек, говорящий «от себя»?

— Разве нам самим не приходилось испытывать неудовлетворение от качества исполнения наших произведений с эстрады? И публика все очень правильно понимает, не хуже, поверьте, нас с вами. Зачем ей слушать такое, мягко говоря, неважное исполнение, когда можно послушать автора, каким бы косноязычным он ни был... Во всяком случае — информация из пер-

Воскресные
ВСТРЕЧИ

ВОПРОС К СЕБЕ

У нас в гостях Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

— У вас сравнительно недавно в издательстве «Искусство» вышла книга «Встречи на улицах»...

— Теперь уже сравнительно давно — два года назад...

— В прошлом году в том же издательстве увидела свет книга вашего коллеги Аркадия Хайта.

— Это действительно недавно.

— Как вы относитесь к разговорам, что мол, произведения эстрадных драматургов нужно не печатать, а слушать с эстрады? В печатном виде они воспринимаются иначе, что-то теряют...

— А вы об этом не меня спрашивайте! Вы спросите у читателей: хотят они иметь книгу Жванецкого, или Хайта, или Коклюшкина? Они, я думаю, скажут: «Конечно!». Но где эти книги? Они хотят то, что слышат с эстрады, увидеть своими глазами и сохранить у себя в шкафу. И мы хотим им помочь...

— А нужна ли такая книга вам, эстрадному драматургу?

— Я же должен оставить что-то у людей, что-то после себя... Первую книгу я собрал, как репертуарный сборник. Если появятся другие, они будут читаться лучше.

— И все же в рамках жанра?

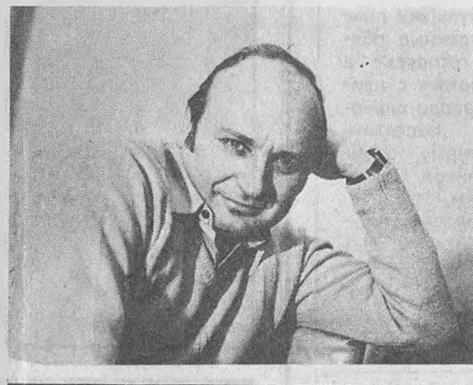
— Я живу в эстраде. Нас становится все меньше, люди уходят писать романы, пьесы, сидят в ЦДЛ... Жанру изменять нельзя...

— Какие книги любите перечитывать?

— Энциклопедический словарь... Люблю справочники... Заполняю пробелы в образовании... Пятнадцать лет потратил на учебу. Школа, технический вуз... Одесский порт... Я счастлив, что я там работал, но гуманитарного образования не хватает...

Очень люблю Бунина. Читаю и тут же могу записывать какие-то свои, разбуженные Буниным мысли...

— **МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ**, мне хотелось бы вместе с вами вспомнить недавний цикл вечеров в кинокон-

вех рук, когда никто ничего не изображает...

Но хочется согласиться: смещение интереса наблюдается. Возможно, временно... Ждем актера. Скоро должен быть.

— Это, как я понимаю, зависит от личностей на эстраде, умеющих не только передать мысль автора, но и умножить ее на свой талант исполнителя?

— Мы с вами провели в марте этого года две недели на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Было время, когда борьба на подобных конкурсах принимала такой накал, что даже Аркадию Райкину не удалось занять первое место! Нынешний обнаружил Ефима Шифрина, у которого практически не было конкурентов. Успех молодого актера — заслуженный. Плохо, что не с кем было состязаться. Писать стало не для кого, вот что обидно...

— Артисты жалуются на отсутствие репертуара, а мы говорим — некому писать. Круг замкнулся. Где же выход?

— Выход из замкнутого круга всегда есть, но его надо искать. Вот мы, авторы, сами и выходим на сцену...

— Для многих представляется загадкой личная жизнь драматурга. Кто этот человек, где берет темы, как живет, зачем пишет?

Если не секрет, над чем вы сейчас ра-

ботаете, чем увлекаетесь, чем заняты? Информация из первых рук — лучшее лекарство от домыслов...

— Сейчас я больше сучечусь, чем работаю. Это связано с моим перевозом в Москву... Мне очень нравится этот город, где живут мои друзья... И я, как моряк должен быть возле моря, должен быть возле этих людей... Хотя само проживание в Москве меня очень «подкосило». Город «наступил» на ногу, на руку, на ухо... Очень трудно вырваться.

Я не могу привыкнуть к жуткому количеству телефонных звонков. Никак не научусь отличать важный звонок от неважного. мечтаю уехать куда-то из Москвы, чтобы что-то написать... В своем жанре... Даже если я напишу пьесу, это будет не пьеса в привычном понимании, а растянутая миниатюра. И она не будет иметь сюжета, сюжет я не умею «делать». Не могу вспомнить типа, который куда-то вышел в первом акте. Может, когда-нибудь научусь. Но времени для этого уже мало...

— Иногда приходится слышать фразу, которая всегда огорчает: «Вы знаете, у Жванецкого неприятности!» Я тут же хватаю телефонную трубку и у вас же выясняю, что никаких неприятностей не было. И все же — бывают у вас как у сатирика неприятности? И какие?

— Хороший вопрос. Мне его не задавал никто прежде. Бывают. Совсем, правда, не те, про которые ходят слухи. Но вдруг в каком-то городе оказывается человек — работник филармонии или отдела культуры, — которому не нравится, как я пишу. Что говорить, обидно! Мне не дают даже объяснить, что я не злопыхатель. Что я вообще пишу от лица человека, попавшего в беду... Смейтесь надо мной! Поэтому публика так весело смеется, сочувствует...

Как объяснить это тем, кто пытается отеснить меня от микрофона? Этого нет в Москве, Ленинграде, в других больших городах. Все всё понимают правильно... Здесь мне очень помогли Аркадий Исаакович Райкин, актеры Карцев и Ильченко, Юрский, исполняющие мои миниатюры на главных сценах страны. И уже самим этим доказавшие мой литературный и гражданский оптимизм, право говорить с людьми от своего лица...

— **МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ**, мы с вами понимаем, что за один вечер невозможно «объять необъятное» и поговорить обо всем... Опасаясь, что мы могли упустить что-то важное, я хочу, чтобы один вопрос вы задали себе сами...

— Я понял вас. Он у меня созрел. Давно созрел. Какой бы я хотел задать себе вопрос? Самый главный в жизни: стал бы я писать, если бы исчезло то, о чем пишу? Отвечу: нет, не стал бы! Я пишу не для заработка, не для того, чтобы украсить литературу...

— Не могу не писать — это не про вас?

— Не про меня. Я могу и не писать. Моя литература — это какой-то бокс. Я выхожу на улицу, захожу в магазин, в учреждение — и получаю удар. Но не отвечаю сразу, а бегу трусливо домой, сажусь за стол и даю сдачи. Если люди смеются — я счастлив! Если мне удаётся еще кому-то облегчить жизнь, заживить раны смехом — я вдвойне счастлив. А не будет этих язв — я писать не стану.

Можете считать это шуткой, но видя, что нет недостатков, обиженных нет, хамства нет, — я буду точно так же счастлив. Даже второйне!

С гостем разговаривал
В. АЛЬБИНН.
Фото С. ЛАВИНА.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЦЕНТР
18 СЕН 1983
г. Москва